

Джигалюк (Гаврилова) Валентина Григорьевна
стаж работы в потребительской кооперации 33 года (Никольское)

Джигалок (Звриллова) Валентина Григорьевна

Я, Валентина Григорьевна Джигалок, в девичестве Звриллова. До войны я жила в деревне Воскресенское. Раньше оно называлось Вандино, здесь жил помещик Вандин, поэтому по его фамилии называли Вандино. Когда его раскулачили, деревня наша пропала, а почему стало Воскресенское, я не знаю. Его раскулачили и сослали в Сибирь.

Мама родилась в 1901 году, папа – в 1892 году. Вот настолько он был старше мамы. Ей было 18 лет, а ему уже почти 28. Маму звали Клавдия Александровна, а папу Григорий Иванович. Мама работала на пороховом заводе № 52 в пороховом цеху.

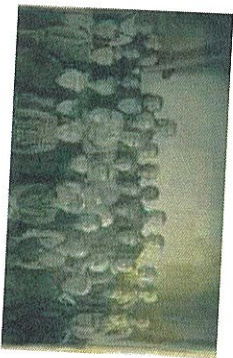
Все здесь, в деревне Воскресенское жили: мамина сестра, которая в Эстонии, младшая сестра, она в 1922 году родилась, она вышла за украинца и пошла Приднепровье, в Молдавии она умерла. А еще были два брата, один брат погнб – Сергин Петя, был в Ижорском батальоне. Буквально в первые дни войны погнб. На обелиске есть его фамилия. На обелиске в Красном Бору. А старший мамин брат умер еще до войны.

Папа окончил курсы машинистов, он работал машинистом на этом же заводе, где и мама. Перед началом войны папу эвакуировали, он должен был ехать с семьей. Папу эвакуировали за Урал, у него была броня. У нас была корова, хозяйство было свое.

Сестра родилась в 1921 году, к войне она уже была начальником почты. И ее тоже эвакуировали. Брат родился в 1923 году, он добровольцем ушел в партизаны. Был в партизанах в Псковской области. Как потом было написано в похоронной, его снайперская кукушка немецкая убила, он был пулеметчиком. Звали брата Виктор. Так что я осталась одна. Родилась я в 1937 году, маме уже было тридцать шесть лет.

Когда началась война, в августе здесь уже были немцы. Нас из дома выгнали, жили мы в сарае. Я не знаю, то ли это были немцы, может, чехи, но одного звали Ян. Я запомнила это имя. Он меня всегда угощал конфеткой, он говорил, что у них была своя баня: «Матка, два хлеба, два венника, чтобы стоила баня!» И он никогда не обманывал. Мама стопит баню, венники даст, а он обязательно принесет два хлеба. Обязательно.

В 1942 году здесь уже было очень тяжело, плохо. Меня послали на санки, у мамы были насыплены сухари, и мы поехали на санках. Я на санях, а мама пешком. Доехали мы до Лобовки. Нас вернули, приехали мы обратно. Так как кушать было совершенно ничего, мы поехали второй раз. Доехали до Саблинна, нас погрузили в вагоны и повезли. И привезли нас в Эстонно. Там в Эстонии мама случайно встретила со своей сестрой Евгенией. Она тоже была там как ученица. Она там познакомилась со своим будущим мужем –

Эстонцем. И после войны она так и осталась в Эстонии, похоронена она на Центральном кладбище в Таллине.

Папу деревню Воскресенское в основном разбомбили наши – Ижорский батальон, так как у нас стояли немцы. Немцы туда, а они оттуда. И ни одного дома у нас не осталось.

Приехали, а жить негде было. А папа уже нас искал, он уже приехал сюда. Был старый кирпичный приходил к нам в гости. А жил Федор Иванович в Перевозе у кого-то, где-то снайп, вроде. И как были неженатый, так он остался холостяком. И жили мы в землянке. Я не знаю, чья это была землянка, то ли немецкая или которая просто была вырыта нашими. В общем, я, мама, папа и папина крестная то нами жила Андрианова Александр, она мне тоже двоюродная сестра, вот она, дядя Вася и тетя Дуна, в общем, одиннадцать человек. Все в одной землянке. Стали мы на полу, очень много было клопов. Расстелили по бокам траву и поливали водой. В туалет выйти боялись, потому что приходили волки. Как сейчас я помню: волки встанут и так воют на землянку, очень было страшно. И был страшный голод.

Это был 1945–1946-й – год. Нас освободили в сентябре 1944 года, нас накормили. Наша Красная Армия накормила нас кашей пшенной с тушенкой. До сих пор эту кашу помню – такой запах, так было вкусно. Не сварить сейчас такую кашу, очень вкусная была. Банок много было, гвоздей было много.

Трени с этих банок делали и кору с березы терли для еды.

Это уже когда вернулись сюда – в 1945 году. Терли, собирали траву. Я сейчас и не вижу такой травы: малянька, как пугловнички, в середине малянька дырка, точно как пугловничка. Собирали эти «пугловнички», толкли. А потом по весне стала расти Крашва, лебета. И вот это все мешали – и в коре, как панировка полушалась в сухарях, так и жарили. Очень было вкусно. А потом по канавам росло очень много «дудок». Я не знаю, сейчас они растут или нет. Мы их чистили и ели. Очень вкусные были.

Потом пошла в школу, учила нас Антонина Григорьевна Петрова. Писали мы сначала карандашом, на газетах писали. Не было ни бумаги, ничего. Чернила замырали в классе. Антонина Григорьевна была строгая, но мы все ее любили. До четвертого класса она была у нас. Вот так жили.

В Эстонии, мы жили на хуторе. Мама была на сельскохозяйственных работах, а я дома. А мама то баланду давала. Здесь в 1946-м году голодали, вроде, и не плохо. Не голодали особо. Какую-то картошку давали, я лежала вся опухшая. Лежала и даже не могла ступить на ноги. И так как не было сладостей, не было питания. Я быстро зубы и потеряла. Как объедались врачи, не было питания деснам, цинга началась.

В марте 1945 года мы вернулись. Нас в сентябре 1944 года освободили, а привезли уже в марте 1945 года. Здесь были только одни Кабановы, больше никого не было, никого. А Минины еще были, потому что Минин дядя Сапа был старостой от немцев, и они здесь были дольше всех, а потом приехали быстро, не знаю, где они были, может, тоже в Латвии, не знаю.

Директор Дома культуры был Волхонский. На месте Дома культуры сейчас здесь магазин «Полушки» до рынка.

Еще катались. Был трос, а на нем лопька была. И какую субботу и воскресенье, мама рассказывала, там была такая терраса, куда выходил духовой оркестр и играли танцы.

Волхонский очень такой деятельный был. На своем месте был. В школу ходили по дорожке через ручей. А вот история о минном ручье, как к Белой даче идти, то там под мостом была мина, машины

тоже было все заминировано. Когда вылезали минеров, они сказали, что вообще не знают, как до сих пор мы еще здесь живем. Как она рванула! Они ее потом взрывали.

Тогод был страшный, есть было совершенно ничего. Я просила хлеба, помню: «Хочу хлеба, мама, дай хлеба!» Карточки потом ввели, у меня была детская карточка, давали печенье на карточку.

А папа очень любил сладкое. Он не пил, не курил, никогда в жизни бутылки пива не выпил, у него было очень крепкое сердце. Делим печенье на троих. Мы-то с папой мном, а мама мне: «Ешь, Вали, печенье!» «А ты чего?» «А я не хочу!». До сих пор это помню. Когда у меня уже дочь была, я думала, как же мама не хотела печенье, что она мне-то отдавала. До сих пор это печенье люблю, которое давали по карточкам: крупяное, малянькое! До чего же было вкусно! А еще ириски плитками. «Ой, мама, купи мне хоть одну ирисовку, мама, ну купи, хоть одну!» Так хотелось. А сейчас другое время. Изменилось многое, конечно.

Класс был большой, были же переростки с нами. Был Мишка Коротов, он 1934 года рождения, потом Лида Баранова, она тоже 1934 года рождения, потом Жэня Сысоев и Вовка Сысоев, они все старше нас.

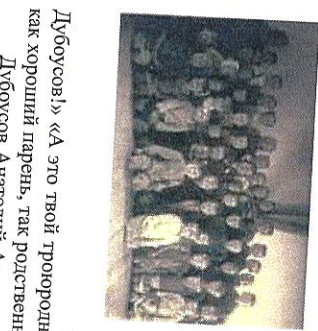
Мне все прощалося, я была по дисциплине двоечница, мне ничего не составляло сорвать урок. Меня поймают, я отвечаю. А вот Анну Алексееву я так боялась, что страшно было в класс идти. До сих пор помню все стихотворения. Тихонов Семен Андреевич был директор школы. Анна Ивановна была библиотечка.

А как срывали урок? Нас чепырнать челоовек «Давайте сорвав урок – и на речку!» Или у нас был класс внизу, мы все шли на второй этаж. Педагог сзади нас, старенькая. Мы – вниз и на речку. Вот

какие были протиняны. А сейчас говорим, что дети плохие.

В восьмой класс я ходила в первую школу. В 1953 году перешла в 9 класс, и в 1955 году закончила. В прошлом году было шестьдесят лет, как закончили школу. Лидия Дмитриевна была нашим классным руководителем, и весь наш класс в Захожье стоял на лыжах.

Немецкий вела сначала Валентина Владимировна. Дина Михайловна у нас была, но она нас не учила, нас учила Валентина Владимировна. У нас в сельском классе двенадцать было Валд, а Любы Ляминной. Сырсовы – это Волковы. Мы все с прозвищами были. Павловы были Бойловы.

Лидия Степановна Соловьева рассказывала, что, когда дочка подросла уже, была уже девушкой, пришла с танцев и говорит: «Мама, я с таким парнем хорошо познакомилась, уважаемый такой, славный такой». «А как парня зовут?» А она говорит: «Олег Дубосов!» «А это твой прородный брат!» «А, везде родственники!» Плакала долго. Ну, что такое:

Дубосов Анатолий Алексеевич был директором клуба, и мы ходили все в самодеятельность – и танцевальную, хоровую. Так здорово. У нас же у каждого нека каждую субботу был свой концерт. Газостанция работала: придут вагоны с углем, разгрузим – нам заплатят. Покупаем призы. И тогда каждого награждали: лучше пару танцевальную, лучшего пиануна, лучшего говоруна. Веселее было, мне кажется, раньше.

А сейчас дети и в игры не играют. Нам было не заиграть: то лапта, то прятки, то еще чего-нибудь: лапта круговая, беговая. Военные здесь стояли, приходили к нам в Воскресенское играть в лапту. Да еще остались парни, которые женились на наших девчатах. Плыгавко, Сухомлин, женился на Вале Сироткиной Шабистыцкой.

В основном все были хохлы, но, мне кажется, они не восстанавливали завод. Ну, в Захожье стояли еще немцы пленные. Там они работали, но их нигде не выпускали. А потом не знаю, куда их дели. Так у нас же немцев много здесь осталось. Мама рассказывала, когда Бадаевский завод открыли стекольный, Лангграф, Нахман, Шталдер были вызваны Петром I мастерами этого стекольного завода. А потом они остались, женились.

Мама рассказывала, что церковь Никольскую немцы разбомбили. Полностью, до основания. Ограда осталась, потом были плиты: кутши первой гильдии, второй гильдии, третий гильдии – все было, и ограда была большая круговая.

Захожье так тремело. Там возили кварцевый песок для Бадаевского завода. Мама рассказывала, она ходила в церковь. Ботинки купили ей первый раз. И она на плече их принесла, а сама босиком. Подходила к церкви, она обвалилась. Когда купили, она говорила, что в первый раз даже летла с ними спать.

И про китайцев мама рассказывала. Это до революции было. Китайцы ходили, говорят, такие у всех волосы – в косы закручены были. И такой шелк красивый. Идет китает – на одной руке ткань, на второй руке ткань. И продавали совсем за бесценок. Наверное, из Питера просто приезжали. Конечно, там этого много, а здесь люди покупали все-таки.

И еще Людмила Ивановна Гусева рассказывала, она 1931 года рождения. Она рассказывала, что в 1936 году, когда была война в Испании, сюда привозили детей испанских коммунистов. Там была война гражданская внутри. Говорят, однажды целую машину привезли в Никольское, в Перевоз. В усывозили наши русские. Привезли в Никольское. Но никто не усыновил. А мы-то жили – все нищие. Поэтому длинный рот, конечно. Что-то ставили, песни пели ребята. А мы-то жили – все нищие. А потом руководитель сказал, что надеялся, что кто-то возьмет ребят в семьи. А мы же все нищие были, поэтому какое взять-то?

Бывало, сошьет мама или закажет платье ситцевое – вот было радости! И на танцы. Фланелевые были подочки из матерала. Мелом нагрем, а если черные, то гуталином. Терли до блеска.

Станцион мы сами делали над рекой. Я закончила десятый класс, пошла на работу на ЗСК. Он уже в 1955 году открылся. Дзюба был начальником нека. Васильева Валентина Васильевна тоже жила у нас. Мало места было здесь, чтобы жить где-то, и их по домам распределяли. Потом Лифановы, Тулуповы, все жили у нас, все были. Лифанов был покрумнее, а Тулупов, я даже помню его, такой толстый, лысый. Это были специалисты, которых сюда присылали. Они работали. Лифанов Григорий Иванович был электрик, главный энергетик. А потом стал строить поселок помаленьку. Вот эти дома на Советском проспекте двухэтажные – их после войны ставили. Было много приглашено ребят из ФЗО.